УДК / UDC 398.2

Репрезентация Казымского восстания в устных рассказах казымских хантов

Римма Михайловна Потпот[1]

Representations of the Kazym Uprising in Oral Narratives of Kazym-Based Khantys

Rimma M. Potpot[1]

[1] Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок (д. 12, ул. Каксина, 628174 Казым, Белоярский район, ХМАО-Югра, Российская Федерация)

кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник

[1] Ob-Ugric Institute of Applied Researches and Development (12, Kaksin St., 628174 Kazym, Khanty-Mansi Autonomous Okrug–Yugra, Russian Federation)

Cand. Sc. (Philology), Leading Research Associate

0000-0002-0282-4586. E-mail: ugraomnilife(at)mail.ru

Аннотация. *Введение.* Статья посвящена проблеме фольклоризации исторических событий и реальных личностей в нарративной традиции хантов. На материале семейного предания, записанного от Т. И. Лозямовой (Неттиной), рассматриваются механизмы превращения свидетельств о Казымском восстании 1933–1934 гг. в фольклорный нарратив. *Методы*. Применен комплексный подход на стыке фольклористики, этнолингвистики и исторической антропологии: структурно-типологический анализ по В. Я. Проппу, текстологический анализ, анализ переноса мотивов и пространственно-временных смещений, интерпретация эмоционально значимых деталей. Теоретической базой явились работы А. К. Байбурина, С. Ю. Неклюдова, В. Я. Проппа и исследования О. Д. Ерныховой, А. В. Головнева, Н. А. Тучковой. *Результаты*. Выявлены ключевые механизмы фольклоризации: переплетение достоверных фактов (раскулачивание, аресты, расстрелы) с фольклорными мотивами (неуязвимость героя, заступничество Торума, чудесное спасение), соответствие структурным моделям хантыйского фольклорного повествования (функция

© КалмНЦ РАН (KalmSC RAS), 2026
© Потпот Р. М. (Potpot R. M.), 2026

«недостачи», образ «волшебного помощника», троекратное повторение), перенос мотивов между персонажами и пространственные смещения событий. Показано, что эмоционально заряженные детали обеспечивают мнемоническую устойчивость нарратива. Фольклоризация предстает как творческий процесс, в котором историческая личность становится материалом для выражения народного мировоззрения и коллективной памяти.
Ключевые слова: фольклоризация, казымское восстание, семейный нарратив, казымские ханты, коллективная память
Для цитирования: Потпот Р. М. Репрезентация Казымского восстания в устных рассказах казымских хантов // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2026. № 2. С. 107–116. DOI: 10.22162/2587-6503-2026-2-38-107-116

Abstract. *Introduction*. The article explores the folklorization of historical events and real-life figures in the Khanty narrative tradition. *Goals*. The study shall deal with a family legend recorded from T. I. Lozyamova (Nettina), a prominent keeper and performer of Kazym Khanty folklore, to investigate how accounts of the Kazym Uprising of 1933–1934 have been transformed into a folklore narrative. *Methods*. The research employs an integrated approach at the intersection of folklore studies, ethnolinguistics, and historical anthropology. It applies structural-typological (based on V. Ya. Propp's methodology) and textual analyses, examines the motif transfer and spatial-temporal shifts, and interprets emotionally significant narrative details. Theoretically, the paper rests on works by A. K. Bayburin, S. Yu. Neklyudov, V. Ya. Propp, as well as on studies by O. D. Ernykhova, A. V. Golovnev, and N. A. Tuchkova. *Results*. The study identifies some key mechanisms of folklorization, namely: interweaving of actual historical facts (dekulakization, arrests, executions) with folklore motifs (the hero's invulnerability, Torum's intercession, miraculous salvation); the narrative's alignment with established structural patterns of Khanty taletelling (the 'lack' function, 'magic-helper' figure, triple repetition); and transfer of motifs between characters alongside spatial shifts of events. It is demonstrated that emotionally charged details enhance the narrative's mnemonic stability. Thus, folklorization proves a creative process where a historical figure serves a vehicle to express the community's worldview and collective memory.
Keywords: folklorization, Kazym Uprising, family narrative, Kazym-based Khanty, collective memory
For citation: Potpot R. M. Representations of the Kazym Uprising in Oral Narratives of Kazym-Based Khantys. *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS*. 2026. No. 2. Pp. 107–116. (In Russ.). DOI: 10.22162/2587-6503-2026-2-38-107-116

Введение

В фольклоре хантов зафиксированы примеры фольклоризации исторических личностей и обычных людей, о которых исполнители фольклора рассказывают в форме сказания или предания. О. Д. Ерныхова рассматривает деятельность двух исторических личностей — ханта Василия Захарова и селькупа Ефима Кунина, сопоставляя предания и рассказы о них с историческими документами государственных архивов и опубликованными сводками органов ОГПУ [Ерныхова 2020]. А. В. Головнев, Е. В. Перевалова, рассматривая грани власти и лидерства у обских угров и ненцев и роли вождей в коммуникации и мобильности их сообществ на матери-

але фольклора, в полемике о степени исторической достоверности фольклора считают, что «в отличие от созданных внешними наблюдателями письменных исторических источников, фольклор обладает взглядом изнутри» и что «есть в фольклоре и свой историзм, относящийся к описаниям важных событий, в этом смысле он играет роль народной истории <…> фольклор позволяет охарактеризовать события и явления в проекциях и толкованиях самого народа» [Головнев, Перевалова 2017: 115].

Н. А. Тучкова, исследуя вопросы истории в фольклоре и выявляя возможности корреляции этнической истории селькупов и их этнокультурной специфики с данными их фольклорного наследия, отмечает: «Фольклорный материал приобретает особую актуальность для реконструкции этапов формирования тех народов, чья письменная эра началась только в последние несколько столетий. Для них еще с недавнего времени фольклор был одним из важнейших способов передачи культурной и исторической информации между поколениями и одновременно мощным связующим материалом между представителями этнического сообщества» [Тучкова 2020: 10–11]. Д. В. Убушиева классифицирует устную несказочную прозу калмыков (мифы, легенды, исторические предания) [Убушиева 2020]. О. А. Колегова анализирует фольклорные сюжеты об исторических лицах, оказавших большое влияние на жизнь страны и региона [Колегова 2019].

Актуальность нашего исследования обусловлена необходимостью комплексного анализа механизмов, посредством которых историческая травма и коллективный опыт передаются в устной традиции. Новизна работы состоит в совмещении структурно-типологического подхода (по В. Я. Проппу) с этнолингвистическим и антропологическим анализом, что позволяет выявить не только форму, но и смысловые функции нарратива в сохранении культурной памяти.

Цель исследования — выявить и описать механизмы репрезентации Казымского восстания в устных рассказах казымских хантов на примере семейного предания. Задачи включают: 1) определение соотношения исторических фактов и фольклорных мотивов; 2) анализ структурных моделей нарратива; 3) выявление эмоционально значимых деталей, обеспечивающих мнемоническую устойчивость текста; 4) интерпретация репрезентации события как формы коллективной памяти.

Материалы и методы

Материалом нашего исследования послужил семейный нарратив, записанный нами от Т. И. Л. (Н.), 1956 г. р., известного знатока и исполнителя фольклора в 2016 г. [ПМА]. Исполнительское мастерство она переняла от свекра и свекрови: М. Н. Л. (ок. 1885–1987) и А. Л. (В.), которые знали и исполняли множество легенд, сказаний и песен [Касум мув моньщат-путрат 2002: 9]. Тринадцать фольклорных произведений, записанных от Т. И. Л., были включены в фольклорный сборник личных песен казымских хантов [Касəм йох арəт 2020]. Теоретическая база исследования построена

на трудах А. К. Байбурина, С. Ю. Неклюдова, В. Я. Проппа и исследованиях О. Д. Ерныховой, А. В. Головнева, Н. А. Тучковой. Для выявления механизмов фольклоризации нами применен комплексный подход на стыке наук.

Исторический контекст нарратива

Одним из механизмов фольклоризации является добавление в нарратив деталей, которые вызывают у слушателей сильные эмоции: «Первый механизм фольклоризации — это добавление в текст деталей, призванных вызвать у слушателей сильные эмоции и заставить его текст передавать дальше» [Белянин, Закревская 2023: 61].

Хөләм йаңмит оләтән тәта Мосәм йухана тащ төсәт туләта Йамало-ненецкий увәс йурәнләл эвәлт. Увәс йурәнләл, њухсәң йурәнләл мухты тыв, Касәм эвәлт тащәт иса муй хәнтэт эвәл вўсыйәт. Щи йисән, хөләм йаңмит оләтән, тәмәщ колхозән әнтөмәт вөсәт. Мир йўкан вўды тәйсәт, а тащәң йохлан щурсәң тащәт тәйсәт. А йурәнлан вовсе мулты арат щурәсән тәйсәт ин тащәң йохлал. Ин щита раскулачивайәты питсайәт, кулаками лўңәссәт. Рўщ йасәңән, вантэ, лупсайәт, кулакәт тәмэт. Ин тащәң йохлал пєла лыклал єтты питсәт, советский лащ вєрмәлән. Ин хөләм йаңмит оләтән щи вєрән хәнтэт мурта щи шөкатсәллал. Ар вўрән ар хәнты, вантэ, щи павәтсәт. Амња йуханән, вантэ, ищи хәнтэт щи павтәмәт, алщәлы. Туләта сахәт төсыйәт ‘В тридцатые годы стадо оленей на реку Назым привели от северных ненцев с Ямало-Ненецкого округа — через соболиных ненцев (Нумто). Из Казыма стада оленей у всех хантов забрали. В те времена, в тридцатые годы, колхозов еще не было. Люди содержали личных оленей, а богатые имели тысячные стада оленей. Богатые ненцы — вовсе по несколько тысяч оленей. Их стали раскулачивать, считать кулаками. По-русски их называли кулаками. Когда создавали советскую власть, богатых людей стали ненавидеть. Из-за этого в тридцатые годы хантов сильно мучили. По-разному много хантов уничтожили. На реке Амня, видишь ли, на русле реки Амня тоже говорят — хантов погубили. Оттуда их привезли’.

Н. А. Тучкова, поднимая проблему датировки фольклорного материала, констатирует: «Фольклорный материал всегда характеризовался тем, что был неподатлив (или слабо податлив) к попыткам привязать его к исторической хронологии» [Тучкова 2020: 47].

В нашем случае автор нарратива, напротив, начинает повествование с точной датировки событий.

Речь идет об истории, известной как Казымское восстание 1933–1934 гг., которое советскими органами было названо «контрреволюционным вооруженным выступлением против советской власти туземцев Казымской тундры»» [Ерныхова 2003: 3].

Восстание было вызвано принудительным отчуждением оленей у коренного населения, насильственным набором детей в школу-интернат, вмешательством властей в традиционную промысловую деятельность и осквернением священных мест, в частности озера Нумто.

Раскулачивание и аресты: исторические факты и фольклорное осмысление

И имєм аӈкэл пила вөс. Аӈкэл щи лупэл, сємӈэл йӑмӈэн, көсаӈ. Аӈкэлэн, аӈкаӈкэлэн йонтəслайəт ӌаврємлал. И имєм лӯв йонтəсэл. Лөмтəм ар тӑйлəт. Щитлал хулыйэва нух вӯсыйəт, ӌӑрйалəсыйəт. Щи лупийэл: «Ӈӯкӈиләв муӈэва вөшємəсыйəт». Лӯв вэт пух щирэн тӑйəс. Ин акєм ики лӯв лант ар тӑйəс, лантлал лӯв ныктөслэ, нөмəсэл йнт кєтəмла. И щи тыв щи Йөм воша тыв төсы. Төсыйəт, тьурмайа щи лукємəсыйəт. <…> Мир па төлыйəт ар тӑхи эвəлт, сӯта павтəм хӑнтылал, йурэнлал. Щӑлта кашаӈ хӑтəл луӈта йаӈ хуйатэн щӑта павəтлəлал ин сӑлтатлалэн. Пушканэн павəтлайəт. Мӯв лот хирлəт лыв. И щи мӯв лота и лыв хирлəт. Па йаӈ хуйат па вөл, щи йаӈ хуйатэл хулэвəт павəтлайəт. Мӯв лот хирты йаӈ хөйэл павəтлайəт па щи мӯв лотэла вущкалыйəт. Па тӑм хулэвəт павəтты йохлалэн па мӯвэн лӑп хирлайəт ‘А свекровь моя с матерью жила. Мать ее в силе была, зрение хорошее. Вот мать ее, бабушка детей, и обшивала. И свекровь моя тоже шила. Одежды у них много было. И все это у них отняли, отобрали. Она и говорила: «Все плохонькое нам только оставили». А у нее тогда уже пятеро сыновей было. А свекор мой — раз у него было много муки, он их сам отдал и увез в поселок, думал, не тронут. Его сюда, в Ханты-Мансийск, привезли. Всех их сюда привезли и в тюрьму посадили. <…> Осужденных хантов и ненцев привозили из разных мест. Каждый день солдаты выводили по десять человек и расстреливали их — видимо, из винтовок. Сами осужденные копали яму, в нее же их и закапывали. На следующий день ставили следующие десять человек — и снова расстреливали. Те, кого убивали на следующий день, копали новую яму, их убивали и бросали в нее. Так и этих десятерых, которых убивали на следующий день, закапывали землей’.

В рассказе исполнительницы смешались достоверные события и фольклоризация деталей. Действительно, при раскулачивании у людей забирали одежду, оленей; затем, при создании колхозов, из конфискованных стад формировали оленеводческие бригады. И в Ханты-Мансийске (в то время он назывался Остяко-Вогульск) действительно функционировала тюрьма, и, возможно, там расстреливали людей, но было ли это так массово, как описывает рассказчица, документально не подтверждено. Фольклорным элементом в данном фрагменте является троекратное повторение действий — прием, характерный для устной нарративной традиции.

Мотив неуязвимости героя

Амња йухан хурэн ар хӑнтылəв павəтсайəт. Нӑӈ Наӈк Пашка апщэн муйкєм йаӈ сөлтатэн и вөнла пушканэн єсəлла, лӯв лоӆ, ил иса йнт питəл. Щӑлта, таӈха, луптал: «Йэша пӑкəмтаты сӑр, ма молпщи, ӈӯкӈи молпщилєӈкєм лулпийэн щи тєкнəс, ил пӑркатэмəлєм». Молпщэл нух лавємəллэ, лулпилал, ӈоллал ил пӑрылəт. Щӑлта молпщэл па нух лөмтəмлəллэ.

Ин йаң сөлтат и вөнтлә єсәлләт, вантэ. Па єсәлләт — лоль. Па єсәлләт. И вөнлә, команда щирән, ўвәтлайәт, йаң пушкан и вөнлә, и утәл лоль.

Щăлта па щи, таңха, лупәл: «Йэша пăкәмтаты сăр, ма молпщєм па щи тєкнәс лулпийән. Сăр ил пăркатємәлєм». Па щи нух лавємәллэ, мулты луват лулпи пай ил щи щўљийәл. Щăлта, таңха, иса ăнт хойлә — ил ăнт питәл. Ăнт хөн хойлә, Төрәмән лўвәл ăнт партлә.

Щăлта, таңха, луптал: «Вөн Төрәм ащєм вөсән, муй ма эвәлтєма шөкатләты? Павәтлайәм ки, па ат павәтлайәм. Мăнєма хөн тăм найәң щурәс тєкнәс. Ма муй атәм вєрсәм? Мулты лывәл ки атәм вєрсәм, ат павәтләл».

Щăлта, таңха, ин хө луптал: «И хөйән ат єсәллайәм. Муй йаң хуйат ма милємән лаљәсләты!» И хуйатән, и пушканән, таңха, єсәлса па щив щи лакнємәс ‘Много наших хантов на реке Амня убили. В твоего младшего брата *Наңк Пашка* (букв. 'лиственница, Павел') десять солдат стреляли одновременно, а он стоит, не падает. Затем говорит, видимо: «Подождите немного, моя малица наполнилась металлом, вытряхну его». Малицу снимает, пули вытряхивает из нее. Затем опять малицу свою надевает.

Эти десять солдат снова все одновременно стреляют в него, видишь ли. Стреляют — а он стоит. Снова стреляют. Им командуют, по крику они стреляют одновременно, а он стоит.

Затем он, видимо, говорит: «Подождите немного, опять моя малица наполнилась. Я из нее вытряхну». Опять малицу снимает, какое-то количество металла сыплется вниз. Так, видимо, никак не могут его убить — не падает он. Не попадают в него, Торум оберегает его.

Затем он, видимо, говорит: «Великий отец Торум, зачем меня так мучить? Убьют, так пусть убивают. Разве мной только этот мир наполняется? Что я плохого сделал? Если им что-то плохое сделал, пусть убьют меня».

Затем, видимо, сказал: «Пусть один человек стреляет. Чего десять человек со мной воюете!» После этого, видимо, один человек выстрелил в него — и он упал’.

Этот отрывок показателен тем, что в нем представлен чудесный мотив неуязвимости: героя не могут убить десять солдат, и он высыпает из своей малицы пули, которые должны были его поразить. Аналогичный мотив известен в преданиях о *Тэкәң Коља* (Неттине Николае) — реальном человеке, жившем в деревне Теги в первой половине прошлого столетия. О нем говорили, что он обладал большой шаманской силой, поэтому красные не могли его убить; он также высыпал пули из малицы, а в руке у него был металлический предмет, найденный им у дерева, разрушенного грозой. В некоторых нарративах повествуется о том, что его мать обладала большой шаманской силой и не давала погубить своего сына. Таким образом, фольклорный мотив, связанный с одним историческим лицом, может переноситься на другого персонажа нарратива.

Сомнению может быть подвергнут факт расстрела героя на реке Амня, поскольку в то время на этой реке не было крупных населенных пунктов. О том, что подобные расстрелы происходили на реке Обь, где располага-

лись крупные поселения с большим количеством людей, существует множество свидетельств; рассказчица, зная об этом, могла перенести событие на реку Амня, ближайшую к месту проживания территорию.

«Волшебный помощник» и пророчество

Несомненно, что нарратив исполнительницы является фольклорным. Она не придумала его сама, а услышала от свекра — исполнителя сказок, сказаний, преданий — и передает его дальше: *Акєм ики щитлал путәрталән, сєм йиңкәл ким єтәл* ‘Когда свекор об этом рассказывал, у него текли слезы’.

В. Я. Пропп, исследуя повествовательные модели волшебных сказок, в качестве начального хода предлагает функцию «недостачи», из-за которой развивается действие сюжета [Пропп 1998]. Э-Б. М. Гучинова, описывая стратегии травматического нарратива, «языком травмы» называет язык «нехватки» — «нехватка еды и одежды, тепла и человеческого жилья» [Гучинова 2021: 35]. В данном случае этой «недостачей» можно назвать нахождение героя в тюрьме под арестом, в состоянии голода. И там же он встречает «волшебного помощника» — Молданова.

Мотив волшебного помощника в калмыцких сказках на сюжетный тип ATU 513 рассматривает Б. Б. Горяева [Горяева 2023], что позволяет сопоставить структурно-типологические модели калмыцкой и хантыйской нарративных традиций.

Лєлы-йаньлы тӑйлайәв па, — лупийәл, — көслал иса ӑнтөмәт. Ин йаң хөйэв, — лупийәл, — сӑрән мӑсыйәт, щи мӱв лот щи хирсәт. Мӱң, — лупийәл, — щи вантлэв, павәтты щира щи төлыйәв. Ма, — лупәл, — щи нөмәсләм, йаң хөйэв мӱв лотэл йэтшәс, — лупийәл. — Лоньәлщәсыйәт, па сөлтатлалән павәтсайәт. Щи мӱв лотлала щив щи лакнємәсәт. Мӱң па партсайәв па, — лупәл, — лӑп хирсәллэв. Ин хӑлэвәт па нын пурайән щи йухәтәл. Ин щи хӑтәл йӑңхәм мӑрєвән, ин ищи турма хотєва йухәтлэв, па вантыйәллєм, — лупәл, — па ар хуйата йӱвмэл. Па йилпа хуйатәт па тӱвәмәт. Щи вантлєм, и ңӱки молпщєң хө иса ма йэщәлєма щиты щи вантәл, щиты щи вантәл. «Ма па, — лупәл, — лӱв пєлала вантыйәллэм. Имәлтыйән тыв ма хущама щи шөшәс. Щи инщәслайәм: «Нӑң муй нєм тӑйлән?» <…> Щи ин вошәң хөйәлән иньщәслэллэ:

— Нӑң хуй?

— Ма вошәң хө.

Нємәл ищи хӑнты щирән лупсәллэ. А ма ин ӑнт па нөмлєм. Йуиљский хӑнты, Молданов. Ин тум икэл, таңха, луптал: «Нӑң иса па ал па пӑла, нӑң ӑнт павәтлайән. Нӑң щӑха лылңа хӑщлән, мирэн хущи, ньаврємлан хущи йухәтлән. Ин тӑм хӑтәл полтәң онтәп пӑтыйән хӑщәм, ньаврємлэв, пухлэв, эвилэв щӑха кӱрэл тыйа, йошэл тыйа питтэл арән, па йєрмәм хӑтәл ар. Йємәң Лємәң тыйэнән щӑха, йємәң лапәт пєши лоньәлщәлты па щӑха, хуйән пойәклайәт щӑха? Нӑң щи пойәклэллан». Акєм ики щирән нємәлт щӑрт пос па ӑнт тӑйәс. Щи лупәл: «Щӑрт вєр ӑнт вөсәм. Щӑрт пос ӑнт тӑйсәм». И лупийәл, лӱв лупәм йасңәла иса па ӑнт па эвәлсәм ‘Впроголодь

нас содержат, — говорит, — поэтому сил совсем нету. Этим десяти мужчинам дали лопаты в руки, они выкопали яму. Мы, — говорит, — видим, что ведут нас, чтобы убить. Я думаю, — говорит, — у десяти из нас яма уже готова, — говорит. — Поставили их, солдаты застрелили их. В эту яму они все и свалились. А нас заставили закопать их, — говорит, — мы их закопали. Завтра наша очередь придет. Так нас водили. А потом мы вернулись в ту же тюрьму. Я вижу, — говорит, — что людей опять стало больше. Новых людей опять нагнали. Смотрю, один мужчина в кожаной малице на меня смотрит и смотрит. И я на него смотрю. Так он ко мне подошел. Спрашивает меня: «Как тебя зовут? <…> Он [свекор] спрашивает у этого мужчины:

— А ты кто такой?

— Я мужчина из рода Вошанг.

Имя свое он тоже по-хантыйски назвал. А я сейчас уже забыла. Он Молданов, ханты из деревни Юильск. И тот мужчина ему говорит: «А ты совсем не бойся, ты не погибнешь. Ты останешься в живых и вернешься к своей семье, к своим детям. Сегодня на дне люльки оставшиеся наши дети, сыновья, дочери, когда на ноги встанут, на руки поднимутся, и тогда много трудных дней будет. В верховьях священной реки Ляма, когда священные семь оленят [жертв] поставят, кто молитвы произносить будет? Ты и будешь молиться». Свекор тогда никакими способностями не обладал. Он и говорит: «Я тогда не обладал никакими магическими способностями. Не было у меня способностей». Как он говорит, что не верил словам этого мужчины'.

Структурно-типологические соответствия

Рассмотренный нами нарратив об исторических событиях и реальных людях, живших в то время, в рамках структурно-типологического подхода встраивается в уже существующие в хантыйской традиции модели фольклорного повествования. С. Ю. Неклюдов, исследуя нарративы о Степане Разине, показал, что они формировались по моделям историй о колдунах и оборотнях [Неклюдов 2016: 28–65]. Аналогичным образом семейный нарратив о Казымском восстании усваивает и воспроизводит фольклорные структуры: функция «недостачи» (арест, голод), появление «волшебного помощника» с пророческим предсказанием, мотив неуязвимости героя под защитой Торума, троекратное повторение действий, мотив чудесного спасения и возвращения домой.

Заключение

Таким образом, подводя итоги исследования проблем фольклоризации исторических событий и реальных личностей в нарративной традиции хантов, мы пришли к следующим выводам.

1) Фольклоризация как механизм коллективной памяти. Фольклоризация исторических событий и личностей у хантов представляет собой сложный творческий процесс, в котором реальные исторические факты переосмысляются через призму традиционных нарративных мо-

делей. В условиях, когда письменность у хантов появилась лишь в 1930-х гг., фольклор выполнил функцию народной истории — «взгляд изнутри» [Головнев, Перевалова 2017: 115], обеспечивая передачу культурной и исторической информации между поколениями.

2) Сращение документального и фольклорного. В проанализированном нарративе достоверные исторические факты (раскулачивание, конфискация имущества, аресты, содержание в тюрьме) органично сплетаются с фольклорными мотивами (троекратное повторение, неуязвимость героя, чудесное спасение, заступничество Торума). Это сращивание не является произвольным: оно подчиняется устойчивым моделям хантыйского фольклорного повествования и обеспечивает эмоциональную интенсивность, необходимую для передачи рассказа дальше.

3) Перенос фольклорных мотивов. Установлено, что мотив неуязвимости героя, связанный с реальным лицом *Тэкәӈ Коӆа* (Неттиным Николаем), переносится в исследуемом нарративе на другого персонажа — младшего брата свекра рассказчицы Павла. Аналогично событие, происходившее, по всей видимости, на реке Обь, локализуется на реке Амня, ближе к месту проживания героя. Эти смещения свидетельствуют не об «искажении» фактов, а о закономерном процессе фольклорной адаптации: нарратив «привязывается» к знакомому пространству и знакомым лицам, что усиливает его воздействие на слушателей.

4) Структурно-типологическая встроенность. Семейный нарратив о Казымском восстании не создает новую повествовательную модель, а встраивается в уже существующие: функция «недостачи» (по В. Я. Проппу), образ «волшебного помощника» с пророческим предсказанием, мотив испытания и чудесного избавления — все это элементы, хорошо известные в хантыйской фольклорной традиции. Тем самым подтверждается тезис С. Ю. Неклюдова о том, что нарративы об исторических лицах формируются по моделям, уже отработанным традицией [Неклюдов 2016: 28–65].

5) Роль исполнителя. Нарратив не является личным воспоминанием рассказчицы — она выступает как передатчик фольклорного текста, полученного от свекра, исполнителя сказок, сказаний и преданий. Эмоциональная отзывчивость исполнителя (слезы свекра при рассказывании) сама становится частью фольклорного сообщения, усиливая его воздействующую силу и закрепляя в памяти слушателя.

6) Историческая личность как материал для народного мировоззрения. Фольклоризация исторических событий и личностей — процесс, отражающий исторические изменения и способность фольклора адаптироваться к новым условиям, сохраняя при этом связь с традициями и коллективной памятью.

Историческая личность становится материалом для выражения народного мировоззрения, идеалов, эмоций и представления о справедливости, а сам нарратив — способом осмысления коллективной травмы и ее преодоления через традиционную систему координат.

Полевые материалы автора

ПМА — Т. И. Л. (Н.), 1956 г. р. Записано в с. Кышик, Ханты-Мансийский район, ХМАО-Югра, март 2016 г.

Литература

Белянин, Закревская 2023 — *Белянин С. В., Закревская Е. А*. Как история становится фольклором: механизмы фольклоризации историй о войне и холокосте // Фольклор: структура, типология, семантика. 2014. Т. 6. № 3. С. 61–87.

Головнев, Перевалова 2017 — *Головнев А. В., Перевалова Е. В.* Вожди обских угров и ненцев (по данным фольклора) // Вестник Томского государственного университета. История. 2017. № 49. С. 115–122.

Горяева 2023 — *Горяева Б. Б*. Мотив помощника в калмыцких сказках на сюжетный тип ATU 513 The Extraordinary Companions // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2022. № 1. С. 106–118.

Гучинова 2021 — *Гучинова Э.-Б. М.* Как калмыки рассказывают о депортации: дискурсивные стратегии нарратива // Сибирские исторические исследования. 2021. № 2. С. 30–52.

Ерныхова 2003 — *Ерныхова О. Д.* Казымский мятеж: об истории Казымского восстания 1933–1934 гг. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2003. 160 с.

Ерныхова 2020 — *Ерныхова О. Д*. Хантыйские предания и официальные документальные источники о богатых оленеводах 1930-х гг. XX столетия // Культура и цивилизация. 2020. Т. 10. № 5А. С. 217–224.

Касэм йох арэт 2020 — Касэм йох арэт. Песни казымских хантов / запись текстов, расшифровка, пер., сост., предисл., коммент. Р. М. Потпот. Ханты-Мансийск: ООО «Печатный мир, г. Ханты-Мансийск», 2020. 150 с.

Касум мув моньщат-путрат 2002 — Касум мув моньщат-путрат. Сказки-рассказы Земли Казымской / сост. С. С. Успенская. Томск: Изд-во Томского ун-та, 2002. 292 с.

Колегова 2019 — *Колегова О. А*. Исторические персонажи в легендарно-исторической прозе Пермской губернии (по материалам публикаций XIX века) // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2019. Т. 11. Вып. 1. С. 25–36.

Тучкова 2020 — *Тучкова Н. А*. Этническая история и фольклор селькупов: проблема корреляции данных // Известия общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. 2020. Т. 40. № 1–2 [электронный ресурс] // URL: https://www. academia.edu/44624391/ (дата обращения: 29.09.2026).

Неклюдов 2016 — *Неклюдов С. Ю*. Литература как традиция. Т. 2. М.: Индрик, 2016. 552 с.

Пропп 1998 — *Пропп В. Я*. Морфология (волшебной) сказки: Исторические корни волшебной сказки / сост., науч. ред. И. В. Пешков. М.: Лабиринт, 1998. 511 с.

Убушиева 2020 — *Убушиева Д. В*. Инедиты калмыцкого фольклора из фонда И. И. Попова: тематическая классификация образцов устной несказочной прозы // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2020. № 3. С. 233–250.